

Жития святых для детей

сщмч.
Иларион

ПАМЯТЬ ЕГО ДА БУДЕТ НЕЗАБВЕННА

Житие священномученика Илариона (Троицкого)

Жития святых для детей

76

ПАМЯТЬ ЕГО ДА БУДЕТ НЕЗАБВЕННА

Житие священномученика
Илариона (Троицкого)

Монахиня Евфимия (Пащенко)

Художник Анна Подивилова

Москва

2011

Храм Св. Духа сошествия на Лазаревском кладбище

... **М**ного раз просили меня дети и внуки написать воспоминания. Про юность мою, про лагерь, про войну. Простите, родные мои, что не спешил исполнить ваши просьбы. Не хотел я тревожить прошлое. Мне о нём тяжело вспоминать, а вам — горько будет узнать о том, что довелось мне пережить в те годы, когда был я ещё совсем хлопцем... Но всё-таки решил я написать... не о себе, а об одном человеке, которому обязан всем, и жизнью своей — тоже. Ради того и берусь теперь за перо.

Тут придётся мне всё-таки и о себе рассказать немного. Родом я из донецких шахтёров.

Тата* мой, Тарас Максимович, был шахтёром. А как покалечило ему на шахте левую руку, завёл он бахчу. Это такой огород, или, скорее, поле. Растили мы на бахче арбузы, дыни, тыквы — и себе, и на продажу. Тем и жили — тата, я, да моя сестра Параска.

Конечно, бедно жили, зато дружно и счастливо. И о Боге никогда не забывали — по праздникам, в воскресенье ли — всегда в церковь шли. Тата мой на клиросе спивал** — тенор у него был дивный. И я с ним тоже, бывало, певал, и свечу носил, и кадило подавал... И как же радостно было мне в церкви! Словно был я не на земле, а на Небе, век бы не уходил оттуда. Только недолгим было моё счастливое житьё — отняли у меня злые люди и долю, и волю...

Раз по весне шёл я, сейчас уже не помню, куда и зачем. После дождя дорогу развезло, грязь непролазная. Подхожу к хате, где Горденко-коммунист жил, и вижу: прыгает пьяный Горденко по уличной грязи, втаптывает что-то в грязь сапогами, доску, что ли?

---

* Отец (украин.).

** Пел.

Подошёл я ближе — да так и обмер. Это он икону Спасителя в грязь кинул и по ней выплясывает! Не мог я стерпеть, что над Спасителем нашим глумится Горденко-безбожник — как кинусь на него, как толкну его в грязь! Он упал, барахтается в грязи, честит меня чёрными словами... А я икону схватил, к груди прижал, да бегом домой! Отмыли мы ту икону от грязи, да поставили в святой угол, к нашим иконам, вышитым рушником украсили.

А на другой день меня забрали. Наплёл Горденко-коммунист, будто я на него с топором бросился и зарубить хотел. Потом в тюрьме от меня долго требовали, чтобы я сознался, что коммуниста убить хотел. И чтобы сообщников выдал. И что только тем смогу я спасти жизнь свою... Только я на их угрозы не дался — на своём стоял.

Не взяли меня таской*, так взяли лаской. Другой следователь за меня взялся. С виду добренький да жалостливый. Уверял он меня, что дело мое пустяковое и скоро меня выпустят. А сам всё вопросы разные задавал: веришь ли в Бога, да ходишь ли в церковь, да не хочешь ли попом стать? Я ему и сказал всю правду — и что в Бога верую, и что в церкви на клиросе пою вместе с татой, и что, если б не позакрывала новая власть семинарии, непременно пошёл бы туда учиться...

А он, лиса, всё дело так повернул, будто я ещё и контрреволюционер-церковник и советской власти отъявленный враг. И дали мне за всё это три года лагеря.

Так вот и очутился я далеко на Севере, в Соловецком лагере. Раньше на месте этого лагеря был монастырь, славный по всей России. А потом, как пришли к власти безбожники-богоборцы, монастырь закрыли и сделали в нём концлагерь, Соловецкий лагерь особого назначения, сокращённо СЛОН...

Не буду писать подробно о том, что я видел и пережил там. Сколько уж лет прошло, а до сих пор стоит это виденное и пережитое перед глазами моими. И люди, которые умерли или убиты были на глазах моих... Если бы дал мне Господь после смерти оказаться там, где эти мученики

* Трёпка, взбучка (прост.).

находятся! Об одном только человеке напишу, как обещал. Память о нём да будет незабвенна. Звали того человека Владыкой Иларионом. Фамилия его была Троицкий. Запомните: архиепископ Иларион.

Как я его впервые встретил — рассказ особый. Как привезли наш этап на Соловки, меня на лесоповал отправили. Мне хоть всего шестнадцатый год тогда шёл, но хлопец я был сильный, рослый — вот мне и топор в руки, и в лес... А у меня обувь и одежонка худые, был полушубок, да и тот стащили.

Работа — с раннего утра, почти до полуночи, а кто не выполнит норму — охранники полуголого на пень ставят и прикладами бьют. Бывало, и до смерти забивали. Понял я, что заживо в ад попал. И что не выйду я живым из этого ада.

Не я один, многие там в отчаяние впадали. Бывало, пальцы себе рубили топором. Так их за это на Секирную гору* отправляли. Там особая тюрьма была, страшная. Редко кто оттуда живым возвращался... Иные с отчаяния руки на себя накладывали. А иные, кто обессилевал и работать не мог, просто ложились под дерево, да так и замерзали.

Настал декабрь. К этому времени я от непосильной работы совсем изнемог. Раз погнали нас рано утром в лес, а меня то озноб бьёт, то в жар кидает, и перед глазами круги красные плывут. Хотел топором взмахнуть, а он из рук в снег упал, и поднять его нет сил.

Понял я, что конец мне пришёл. Доплёлся до ближайшего дерева, да и повалился в снег. А передо мной деревья вишнёвые, все в белых цветах, шумят ветвями... Вот и хата наша виднеется, а возле нее мама моя стоит,

* Секирная гора — удивительная по красоте возвышенность главного острова Соловецкого архипелага. В советские годы — место особой тюрьмы, где зверски издевались над заключёнными.

как живая, и улыбается мне. А я к ней руки тяну, кричу: «Мамо, мамо...»

А дальше не помню, что было. Помню, что несли меня куда-то. И лицо надо мной помню — того человека, что нёс меня. Борода у него русая, а взгляд добрый, участливый. Словно у таты моего.

Очнулся я в лагерной санчасти, в тифозном бараке. Каким чудом я выжил — не знаю. Один доктор там был мой земляк, человек верующий. Он мне и сказал: повезло тебе, хлопче. Если бы не спас тебя Владыка Иларион, тебя бы уже в живых не было. Считай, что ты всё равно как заново на свет родился.

И правда — словно я заново родился. Как поправился я, оставили меня при санчасти санитаром. Конечно, и здесь много страшного пришлось мне увидеть и узнать, и не раз смерть глядела мне в глаза. А всё же, ухаживая за больными, сам я потихоньку начал оживать. Ведь лучший способ забыть о собственном страдании — это разделить страдание другого человека.

А со своим спасителем, Владыкой Иларионом, я познакомился вскоре после того, как на ноги встал. И при любой возможности старался встретиться с ним. Теперь расскажу, что помню о нём.

Родом он был из Тульской губернии, из села Липицы, сын священника. Ещё молодой — около сорока лет ему тогда было. Роста он был высокого, светлоглазый, светловолосый, с лицом добрым и ясным — прямо-таки «удалой добрый молодец» из русской песни или былинный богатырь святорусский. Поди догадайся, что перед тобой — монах, архиепископ Верейский, викарий Московской епархии, сподвижник Патриарха Тихона, да ещё и профессор-богослов. Он

ведь Московскую Духовную Академию закончил, а потом сам был инспектором и профессором этой Академии, пока не закрыли её богоборцы.

Говорят, много он написал книг по богословию. Только вот беда — я-то в богословии не силен. Из службы одному святому запомнилось мне, что он «дея, учил». То есть делами, жизнью его святой назидались люди. Так и я назидался делами и жизнью Владыки Илариона.

Удивительный человек был Владыка Иларион. Всегда радостный, светлый. А как он умел утешить, ободрить! Сколько раз приходил я к нему скорбным и отчаявшимся, а уходил словно бы ожившим, с радостью и надеждой на душе. Помню, пришла раз мне в голову шалая* мысль: как же Бог допустил, что мне, за то, что я всего-навсего Горденко-коммуниста ударил, три года Соловков дали? Почему Бог не вступился за меня? Ведь я же Его образ спас от поругания... Неужели Бог такой несправедливый?

Не смог я прогнать ту дурную думу — засела она в голове, не даёт мне покоя. Тогда прихожу к Владыке Илариону на Филимонову тоню... Это верстах в семи от Соловецкого Кремля. Там была рыболовная артель из заключенных, священники там были, архиереи даже... И Владыка Иларион тоже там работал, и был у них как бы за старшего. К тому времени мы друг друга уже хорошо знали.

Подхожу к нему под благословение, а он и говорит:

— Что, Сэмэнушко, невесел, что головушку повесил? — Он меня частенько в шутку по-нашему называл, не «Семёном», а «Сэмэном», и как же я этому радовался! Ведь так меня таточка мой звал...

Рассказал я ему про свои горькие думушки, а он мне и говорит:

— А вспомни-ка, Семён, притчу Господню о рабочих на винограднике. В разное время нанял их Владыка,

---

* Шальная, сумасбродная.

а награду все они получили равную, независимо от того, кто больше потрудился, а кто меньше. Господь и дела приемлет, и намерение целует, и деяние почитает, и предложение хвалит. Малое добро ты сделал — икону Спасителя от поругания спас, но за это почтил тебя Господь наравне с теми, кто больше тебя Ему послужил.

И понял я, что Господь оказал мне великую честь — пострадать за Него. И больше не роптал на Бога, не обвинял Его в несправедливости. Так, благодаря Владыке Илариону, окрепла вера моя.

Я уже говорил, что Владыка в рыболовной артели работал. Рыбу ловили, сети вязали да чинили. Владыка и на этот счёт шутил, бывало: «Прежде было, что Святой Дух апостолов из простых рыбаков богословами сделал, а теперь наоборот — богословы рыбаками стали». Иной раз даже от одной-единственной встречи с ним, одной-единственной шутки его люди оживали, оттаивали душой.

Да, умел Владыка Иларион утешать скорбящих и отчаявшихся. Но умел и смирить человека, если видел в нём гордыню. Раз при мне беседовал он с одним ссыльным игуменом. Владыка его спрашивает:

— За что Вас арестовали?

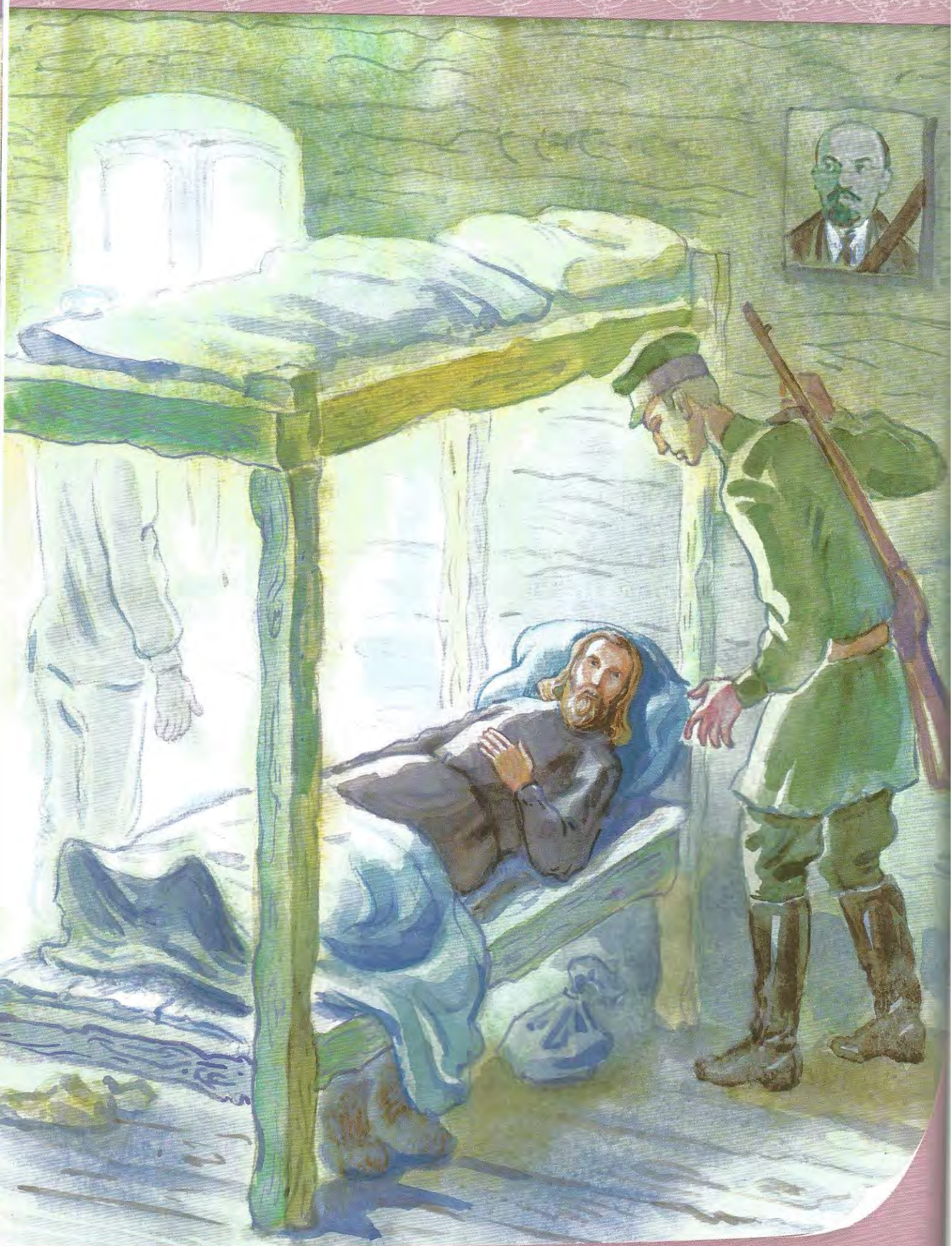
— Да вот, как монастырь наш закрыли, молебны служил у себя на дому, — отвечает игумен. — И народ ходил. И представьте себе, Владыко, даже исцеления бывали...

— Вот как, даже исцеления бывали, — улыбнулся Владыка Иларион. — И сколько ж Вам за это дали Соловков?

— Три года.

— Маловато. Недосмотрела советская власть, недосмотрела. За исцеления надо бы больше дать...

Ну что тут сказать? Как говорится, без комментариев всё понятно.

Ещё он говорил: «Где ещё найти такую школу добродетелей, как здесь, на Соловках? Тут всему научиться можно — и нестяжанию, и кротости, и смирению, и воздержанию, и терпению, и трудолюбию».

И сам он был примером и кротости, и смирения, и нестяжания. Что бы ни попросили у него — охотно отдавал, без возврата. Отцы втайне от него следили, чтобы он все свои вещи не раздал. Случалось, что его оскорбляли, но он никогда не отвечал на оскорбление, словно оно относилось не к нему. И всегда был весел или казался весёлым. Если даже что-то печалило или заботило его, старался не показывать вида. Глядя на него, и другие укреплялись духом.

Вам, может, подумалось, что, если Владыка Иларион не отвечал злом на зло, он был робким человеком? Нет, кротость не признак робости. Не знал я человека более бесстрашного, чем Владыка Иларион.

Рассказывал один священник, который был с ним в одном этапе, что по пути на Соловки, в Кемлаге*, конвоиры получили известие, что умер Ленин. И лагерное начальство приказало заключённым в назначенный час встать и почтить память «вождя мирового пролетариата» пятью минутами молчания.

Все этому приказу подчинились. Все, кроме Владыки Илариона. Он, как лежал на нарах, так и остался лежать. Он, да ещё один священник, следовавший примеру Владыки.

— Встаньте, — говорят им, — ведь всем нам влетит, если заметят. Да всё-таки и великий человек был этот Ленин.

— Если и великий, — отвечает Владыка Иларион, — то только тем, что бесам великую радость доставил, явившись к ним в ад. Вот они там сейчас радуются-то!

Да, редкой смелости человеком был Владыка Иларион — ничто не могло запугать и сломить его.

---

* Кемлаг — пересыльный пункт Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОНа).

Только не подумайте, что он ненавидел коммунистов и желал им гибели. Скорее, он считал их заблудшими людьми, которые просто «не ведали, что творили»*.

Слышал я историю о том, как он спас комиссара. Фамилия комиссара была Сухов. Рассказывали, что однажды этот комиссар расстрелял Христа. Было это так. На Соловках, на перекрёстках дорог, стояли резные Распятия, метра под три высотой, ещё от тех времен, когда был там не лагерь, а монастырь. Почему-то у богоборцев не хватило дерзости их убрать, только сверху на них прибили таблички с надписями: «Религия — опиум для народа». Так вот, в такое-то Распятие однажды забавы ради выпалил этот комиссар из двустволки. Выпалил прямо в грудь Спасителю...

Раз по весне этот самый Сухов с тремя товарищами задумал поохотиться на морского зверя. Да попал в шугу**, и понесло карбас*** с горе-охотниками прямо в Белое море, на верную смерть. Друзья Сухова стоят на берегу, видят, как их товарищи погибают, а помочь ничем не могут.

Лишь один Владыка Иларион не растерялся. Велел спустить на воду другой карбас, и вместе с четырьмя товарищами, такими же заключёнными, как он, отправился спасать гибнущего комиссара.

Рассказывали, что всю ночь тогда стояли на берегу и заключённые, и ещё жившие на Соловках последние монахи, и чекисты-охранники, вглядываясь в туман, молясь Богу, кто — вслух, кто — тайно, про себя. И когда на рассвете пристал к берегу вернувшийся карбас, и они увидели в нём и спасённых, и их спасителей, все, как один, пали на колени:

* См. Евангелие от Луки, глава 23, стих 34.

** Шуга — мелкий лёд, каша, после вешнего ледолома.

*** Карбас — большая гребная лодка с парусом.

— Истинное чудо! Спас Господь!

А комиссар Сухов снова в Бога уверовал. Так Господь дважды спас его через Владыку Илариона.

Что ещё рассказать вам о нём? Не раз я был на богослужениях, в которых он участвовал. На Соловках в ту пору действовала одна церковь. Маленькая, кладбищенская, освящённая в честь преподобного Онуфрия Великого. Там служили ежедневно — ссыльные архиереи и священники, и последние из монахов Соловецкого монастыря, которые отказались покинуть свою разорённую обитель даже под угрозой смерти. Певчие были тоже частью из монахов, частью из заключённых.

Когда я впервые оказался в этой церкви на Литургии, то расплакался навзрыд. Истосковался я по храму, по службе Божией. Надо сказать, что соловецкое пение особое, не такое, как в российских храмах, а тем более в наших, украинских, так что сначала может показаться неблагозвучным.

А регент, иеромонах Мартин, требовал, чтобы певчие пели именно Соловецким распевом. Так Владыка Иларион шутил, бывало, что даже ему, знатоку церковного пения, «трудновато отцу Мартину „подмартынивать“».

Иногда Владыка Иларион уходил в лес и молился там один. Тогда свидетелями его молитв были лишь сосны, да небо, да вольные чайки...

Ещё помню, как он заставлял меня брать книги в лагерьной библиотеке. Казалось бы, какие книги, если все мы жили в вечном унижении, под постоянной угрозой смерти? А он заставил меня прочитать Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова — в общем, всю русскую классику, что имела в лагерьной библиотеке.

Не раз говорил он мне:

— Учись, Семён, непременно учись. У тебя ещё вся жизнь впереди. Господь ведаёт, кем ещё ты станешь. Может, даже врачом.

И про себя рассказывал, как он мальчиком пятилетним надумал идти учиться в Москву. Взял с собою и младшего братишку. И пошли они пешком в столицу, как когда-то Ломоносов. Но ведь Ломоносову, когда он в Москву с рыбным обозом отправился, уже лет двадцать было, а тут — пятилетний хлопчик, вроде, несмышлёныш совсем, а ведь додумался же до того, чтобы в Москву за знаниями пойти!

Вот шли они, шли, братишка Владыки устал и давай плакать. И тогда Владыка Иларион — тогда ещё Володя, мирское имя Владыки было Владимир — и говорит ему:

— Что ж ты плачешь? Смотри, вот останешься неучёным.

Тут их, правда, скоренько родители хватились, да воротили искателей знаний домой. Правда, Володю, к его радости, скоро в духовное училище отправили.

Да, не понимал я тогда, зачем мне, простому сельскому хлопцу, читать Кольцова да Пушкина. Потом, уже в старости, прочёл у одного немецкого учёного, Франкла, который тоже в лагере сидел, только не чекистском, а фашистском, что там выживали те, кто знал, ради чего живет: священники, офицеры, учёные. И те, кто не давал превратить себя в бездумного и покорного раба. А Владыка Иларион понимал это ещё тогда, в середине двадцатых, и сам не сломился, и мне сломиться не давал.

Скажу ещё о нём как о защитнике Православия. Без этого не обойтись. Всю жизнь свою стоял за Православную веру Владыка Иларион. Читал я в одной книге, что на Поместном Соборе, который проходил в Москве в 1917–1918 годах, он, тогда ещё не епископ, а архимандрит Иларион, выступал в защиту восстановления Патриаршества.

Вот что он говорил: «Русская Церковь никогда не была без Первоиерарха. Церковное сознание говорит непременно

одно: «Епископам всякого народа, в том числе и русского, подобает знать первого из них и признавать его как главу».

И хочется мне обратиться ко всем тем, кто почему-то считает ещё нужным возражать против Патриаршества. Не нарушайте радости нашего единомыслия! Зачем вы берёте на себя неблагодарную задачу? Ведь против церковного сознания боретесь вы. Бойтесь, как бы не оказаться вам богоборцами!»

И тогда, впервые после тех времён, когда царь Пётр Первый упразднил Патриаршество, на этом Соборе был избран Патриарх Московский и всея Руси, святитель Тихон. В страшные для Православной Церкви годы именно он стал её оплотом и защитником. А ближайшим советником и единомышленником святителя Тихона был Владыка Иларион.

За это его люто ненавидели враги Церкви — чекисты и обновленцы* — и желали гибели им обоим — и святителю Тихону, и Владыке Илариону. Ссылка на Север, Соловецкий лагерь — всё это выпало на долю архиепископа Илариона за то, что он защищал Православную Церковь от тех, кто стремился расколоть и уничтожить её.

Много страданий выпало за это на его долю. Но они не сломили его. Он верил, что никакие гонения не смогут одолеть Православную Церковь, и вселял эту веру в других. Он говорил: «Надо верить, что Церковь устоит. Без этой веры жить нельзя. Пусть сохранятся хоть крошечные огоньки — когда-нибудь от них всё пойдёт вновь». А ведь многие тогда считали, что вернулись времена Нерона или Диоклетиана**, или настали времена антихриста, и Православная Церковь обречена на гибель. А он отвечал им: «Чем ночь темней, тем ярче звёзды...»***

* Обновленцы — отколовшееся от Православной Церкви движение, сторонники которого сблизилась с советской властью и хотели произвести разрушительные обновления Церкви.

** Нерон и Диоклетиан — римские императоры I, III веков от Рождества Христова, при которых развернулись страшные гонения на христиан.

*** Строка из стихотворения А.Н.Майкова.

Помню, однажды я застал его за разговором с одним священником. Тот долго и яростно доказывал Владыке Илариону, что Православие гибнет, и поэтому остаётся только одно — создать свою, катакомбную Церковь*, уйти в подполье и принять мученическую смерть за Христа.

Долго убеждал его Владыка, как это опасно, что это — церковное преступление, которое приведёт отделившихся от Церкви к гибели, поскольку «без Церкви нет спасения». Долго убеждал он этого священника, но не знаю, убедил ли.

Были такие, что не хотели смириться, уходили в подполье и в разные расколы. Были и такие, которые во что бы то ни стало стремились покинуть, как им казалось, гибнущую Россию. Иные из них потом из чужих краев проклинали её, называли её «окаянной совдепией», и даже «Русью проклятой». Думаю, от великой скорби за Россию не думали они, что говорили. Ведь разве смеет дитя проклинать мать свою, если она лежит, израненная и поруганная врагами? Не она в том виновна, а враги её. Не нам хулить её. Нам бы поднять её из грязи, чтобы восстала она в прежнем своём величии.

Вот подошла весна 1925 года. Ровно половину своего срока отбыл я. И тут получаю письмо от сестры моей Параски. А я все эти полтора года писал домой, да только ответа всё не было и не было.

Думалось мне, бывало — стать бы мне птицей-чайкой, полетел бы я на родную Украину, поглядел бы, что же случилось с моими татой да сестрёнкой? И вот пришло письмо. Много я проплакал над ним, прежде чем открыл его, а как открыл — ещё горше пришлось мне плакать.

* Катакомбы — подземные ходы и лабиринты в древнем Риме, где в первые века христианства хоронили мучеников и на их мощах служили Литургию. В наше время «уйти в катакомбы» означает «уйти в подполье».

Пишет мне сестра: «Братику милый, не приезжай сюда, иначе беда тебе будет. Боялась я написать тебе раньше. Тата наш помер в тот же год, как тебя забрали, а я замуж вышла. За комсомольца, дружка Горденки-коммуниста. Он в первый же день все наши иконы топором порубил и грозился, что, если ты воротишься, тебе то же будет. Прости меня, братику, если сможешь простить, но знай: нет тебе больше дороги домой. Один ты на свете остался».

А я ведь только и жил надеждой, что вернусь в родное село, к тате да сестрёнке, и заживём мы опять по-прежнему, дружно и счастливо. И вот теперь в одночасье стал сиротой бездомным и бездольным. Умолил отпустить меня к Владыке.

Прибегаю к нему, упал у ног его и плачу в голос, как безумный:

— Владыко мий ридный*, что же мне теперь делать? Нет у меня больше родины, нет у меня родных, нет счастья, нет доли...

Он взял письмо, прочёл, помолчал, а потом и говорит:

— Полно, Семён, не плачь. Как же ты говоришь, что один остался? Ведь Бог с тобою. А это — самое главное. Это люди могут покинуть, а Бог никогда тебя не покинет. — И поглядел на меня так ласково, что от сердца у меня отлегло. Как же он умел утешать, Владыка Иларион! Лишь потом понял я, что этот дар Бог даёт тем, кто сам тяжело страдает.

Спустя несколько месяцев Владыку увезли с Соловков. Я пришёл с ним проститься. Благословил он меня. Велел, чтобы я непременно учиться пошёл. И чтобы всегда о Боге помнил и никогда не отчаивался.

— Владыко, — говорю я ему, — напишите, где Вы жить будете. Как кончится мой срок, я приеду к Вам. Хочу всегда быть с Вами. Будьте мне вместо отца родного.

Тогда он вдруг приумолк, склонил голову на руки, и говорит:

---

* Мой родной.

— Нет, Семён, больше на этом свете мы не увидимся. Живым они меня не выпустят.

Только тогда я понял, сколь тяжёлый крест нёс Владыка Иларион. Так мы расстались, и больше никогда не видел я Владыку Илариона.

После освобождения поселился я в здешних краях. Сперва в одном глухом селе. Там пригодились мне то, чему я научился, работая в лагерной санчасти. Потом помогли мне добрые люди скрыть то, что я был в лагере. И тогда поехал я в город Архангельск, поступил в медицинский институт. Здесь от одного ссыльного врача узнал я о дальнейшей судьбе Владыки Илариона.

Прав он был — не суждено ему было увидеть свободы. Ещё четыре года мучили его по тюрьмам и ссылкам. Сперва держали в Ярославской тюрьме, потом, весной 1926 года, опять привезли в Соловецкий лагерь. А спустя три года отправили по этапу в Казахстан, в ссылку.

Только он не доехал — умер в Ленинграде, в тюремной больнице, от сыпного тифа. По просьбе митрополита Ленинградского Серафима (Чичагова), власти отдали его тело для погребения. Но вместо человека, похожего на былинного богатыря, каким все знали и помнили Владыку Илариона, в гробу лежал наголо обритый измождённый седой старик. А ведь ему тогда было всего сорок три года.

Мученическими были и жизнь, и смерть Владыки Илариона. Сколько раз уговаривали его чекисты изменить Православной Церкви, поддержать один из тогдашних церковных расколов. Сулили свободу, возвращение в Москву, митрополичий белый клобук*. А он ответил: «Я скорее сгнию в тюрьме, но своего направления не изменю».

* Клобук — высокий головной убор с покрывалом, принадлежность монашеской одежды. Белые клобуки с крестом полагаются митрополиту и Патриарху.

И остался верен Христу и Его Церкви «до самой до смерти». Как когда-то мученик-князь Василько Ростовский, взятый в плен Батыем и бесстрашно ответивший на приказ хана поклониться ему: «О тёмное царство! Не разлучить тебе меня со Христом моим». Неправда, что перевелись богатыри на Руси. Несокрушимым богатырём духа был Владыка Иларион, за Церковь Христову жизнь свою положивший.

Д а, не удалось мне больше свидеться с Владыкой Иларионом. Но всё-таки мы с ним никогда не расставались. Я всегда помнил его и молился за него. И молился ему как святому. Верю, что жизнь моя сложилась счастливо по его молитвам.

Я стал врачом. Потом воевал, имею награды и звание майора. Так что слова Владыки Илариона: «Может ты, Сэмэн, ещё и врачом станешь...» — оказались пророческими. И дети мои все медиками стали. А вот младший внучок, тот сейчас в семинарии учится. В той самой, Московской, где когда-то преподавал Владыка Иларион.

Летом привёз он мне из Москвы икону священномученика Илариона. Да-да, икону. Ведь в 2000 году священномученика Илариона причислили к лику святых. Память его празднуется несколько раз в году. Один раз — 28 декабря (15 декабря по старому стилю), в день его кончины. Другой раз — 22 августа (9 августа по старому стилю), в день собора Соловецких святых. А ещё — в дни памяти Новомучеников и Исповедников Российских (празднуется в воскресенье после 7 февраля/25 января), а также соборов Московских (воскресенье перед 8 сентября/26 августа) и Санкт-Петербургских святых (третье воскресенье по Пятидесятнице).

«Красой Новомучеников Российских, славой и похвалой Церкви Русской» именует его Православная Церковь.

На этом и закончу свой рассказ о Владыке Иларионе. Напоследок скажу только, что, прожив на Севере всю жизнь свою, полюбил я этот край всей душой. Как полюбил и Россию. Да и как же не любить её, если породила она такого святого человека, как Владыка Иларион!

**Святой священномучениче Иларионе,
моли Бога о нас!**

Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Для детей среднего школьного возраста

- Монахиня Евфимия (Пашенко)
- E13   Память его да будет незабвенна: житие священномученика Илариона (Троицкого).— М.: Местная религиозная организация Православный приход храма Святого Духа сошествия на Лазаревском кладбище гор. Москвы Московской епархии Русской Православной Церкви (Издательство Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского), 2011.— 24 с.: ил. (Жития святых для детей)
ISBN: 978-5-98891-475-4

Подписано в печать 22.03.2011.

Формат 60х84/8. П.л. 3. Тираж 5000 экз. Заказ № .

Местная религиозная организация Православный приход
храма Святого Духа сошествия на Лазаревском кладбище гор. Москвы
Московской епархии Русской Православной Церкви (Издательство
Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского):
129272, Москва, ул. Советской армии, 12, стр. 1 и 2.

ОТДЕЛ РЕАЛИЗАЦИИ: (495) 689-15-54.

ISBN: 978-5-98891-475-4

© Монахиня Евфимия (Пашенко), текст. 2011

© Поддивилова А., иллюстрации. 2011

© Оформление, вёрстка. Местная религиозная организация Православный приход храма Святого Духа сошествия на Лазаревском кладбище гор. Москвы Московской епархии Русской Православной Церкви (Издательство Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского). 2011

В издательстве Сестричества
во имя свт. Игнатия Ставропольского
вышли в свет следующие книги серии
«Жития святых для детей»:

«Кроткий воин».

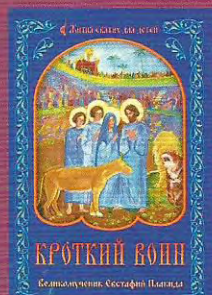
Житие великомученика Евстафия Плакиды.

«Неисчерпаемое чудес море».

Житие и чудеса свт. Николая.

«Огненный пророк».

Житие святого пророка Илии.

«Пастырь словесных овец».

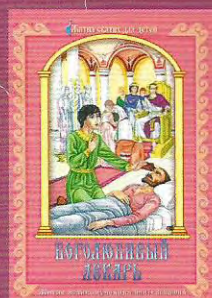
Житие святителя Спиридона Тримифунтского.

«Провозвестница Христова Воскресения».

Житие святой равноапостольной Марии Магдалины.

«Тайна одинокой пещеры».

Житие святых семи отроков Ефесских.

«Любимый ученик Господа».

Житие апостола Иоанна Богослова.

«Ожившее сердце».

Житие Петра мытаря.

«Крест святой Нины».

Житие святой равноапостольной Нины.

«Боголюбивый лекарь».

Житие великомученика и целителя Пантелеимона.

«Святой купец».

Житие праведного Василия Павлопосадского.

«Жемчужина на дне моря».

Житие священномученика Климента Римского.

ПРИБРЕСТИ КНИГИ МОЖНО ПО АДРЕСУ:

— В Москве: ул. Советской армии, д. 12, стр. 1 и 2.

Тел.: (495) 689-15-54.